К 1500-ЛЕТИЮ ГОРОДА КИЕВА

Ф. П. ФИЛИН

О ЛЕКСИКЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

По нашим предварительным подсчетам, которые постоянно должны уточняться, в праславянском языке ко времени его распада было около 22 000 слов, при этом имеется в виду совокупность словарного состава всех реально существовавших праславянских диалектов. В каждом диалекте или группах диалектов их было значительно меньше. В древнем восточнославянском (прарусском и раннем древнерусском) языке после распада праславянского единства оказалось что-то около 17 000 слов, включая большое количество локализмов, распространенных только в отдельных восточнославянских областях. Каждый говорящий на восточнославянском языке обладал безусловно меньшим запасом лексики (вместе с так называемым пассивным ее запасом, всегда имевшимся в языках и диалектах). Не менее богатыми в словарном отношении были и языки южных и западных славян. Полных расхождений в лексике восточных славян по отношению к лексике языков их родственников было около 30% всего реконструируемого праславянского словарного фонда, к чему следует прибавить свыше 20% указанного фонда, составляющего частные (диалектные) схождения и, следовательно, расхождения между разными диалектными зонами, не совпадавшими с границами позднее оформившихся трех славянских этносов. К этому надо прибавить расхождения в значениях слов, не поддающихся учету [1].

Когда возник на древнеболгарской основе письменный старославянский язык, в X в. перенесенный в Древнюю Русь, у восточных славян существовал свой особый бесписьменный язык со сложным диалектным членением. Отношения между старославянским и древнерусским языками характеризовались как близкородственные, но различия между ними были не междиалектные, как нередко считают лингвисты, обычно не занимающиеся проблемами исторической лексикологии, а межъязыковые. В Древней Руси столкнулись два самостоятельных близкородственных языка. Результатом этого события огромного исторического значения было образование нового старославянского языка, обычно называемого древнецерковнославянским (старославянским) языком русского извода (или редакции), и собственно древнерусского письменного языка. Между обоими языками возникло сложное взаимодействие, постоянно образовывались переходные и смешанные типы, что и составило историю письменной речевой культуры восточных славян до тех пор, пока церковнославянский язык не был отнесен новыми, народными в своей основе, литературными языками в узкую сферу религиозных обрядов и исповеданий (подробно об этом см. [2]).

О лексике письменной речевой культуры Древней Руси в XIX — XX в. написано множество разного рода и качества работ, имеются кое-какие наблюдения о словах, по разным причинам не попавших в письменность того времени и даже позже оставшихся за пределами литературных языков, но свести в единую цельную картину эти огромные материалы (имеются в виду не словари, а лексикологические исследования) пока никто не пробовал. И достаточно ли накопленных наблюдений для подготовки исторической лексикологии русского языка? Конечно, нет. Словарный состав — огромное число «атомов» (каждое слово имеет свое

особое место в языке и особую историю), семантические связи между которыми вряд ли когда-нибудь будут объяснены до конца. Словарный состав — необозримая открытая система, наиболее изменяющаяся и в то же время сохраняющая в себе напластования разных эпох, начиная с древнейших, т. е. очень устойчивая (о последнем нередко забывают). Чтобы подготовить историческую лексикологию русского языка наподобие исторической фонетики, потребуются гигантские усилия поколений ученых. И все же уже теперь можно и нужно начинать обобщающую работу (не очерки истории отдельных слов и их тематических групп, как это представлено в известной книге П. Я. Черных [3]), и не весьма условные подсчеты лексем разных эпох и беглый обзор новообразований и заимствований, что мы находим в полезном труде В. Р. Кипарского [4]), в которой была бы разработана историко-лексикологическая проблематика и описаны хотя бы некоторые важнейшие тенденции в длительном и непрерывном развитии словарного состава русского языка.

С чего начинать? С реконструкции словарного состава языка восточных славян дописьменной эпохи, когда устная речь в ее диалектных разновидностях была единственным средством общения. Если возможна реконструкция более древнего праславянского лексического фонда, то должно быть возможным описание прарусского (древнерусского) словарного состава. Источники — «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» (ЭССЯ), «Słownik prasłowiański» (SP), все другие этимологические словари отдельных славянских языков (особенно восточнославянских), исторические и диалектные словари (в первую очередь сводные), толковые словари современных литературных языков. Сравнительный анализ указанных источников (пусть даже незавершенных) позволит очертить круг прарусской лексики, далеко не тождественной с праславянским лексическим фондом: в ней будут отсутствовать многие слова, реконструированные в общеславянских этимологических словарях, и в то же время будут определены слова общеславянского распространения и происхождения, выявятся новообразования и заимствования (общевосточнославянские и диалектные), древние диалектные связи с другими славянскими языками, по своему распространению не совпадающие с исторически известными этноязыковыми границами, реликтовые вокализмы и диалектизмы прарусской и раннедревнерусской эпох. Конечно, предварительно следовало бы составить «Этимологический словарь восточнославянских языков. Прарусский и древнерусский лексический фонд», но когда он будет подготовлен, неизвестно. Однако и теперь можно дать характеристику некоторых существенных его особенностей. По данным словаря О. Н. Трубачева, в нем имелось около 21% слов праславянского происхождения и общеславянского распространения. Такие слова, как *бѣль(у)*, *бѣсѣда*, *бѣжати*, *бити*, *вода*, *метати (мести)*, *рѣка* и т. п. (их было свыше 4 000) с многочисленными производными того же происхождения и распространения, которые составляли словарную основу, объединявшую все славянские языки и диалекты раннего периода. Как правило, эти слова имели жизненно важные значения, относящиеся к природе и раннеславянскому обществу. Сохраняют они свою актуальность и в наше время. Эта лексика — богатейший материал для исследования жизненного уклада славянского этноязыкового единства (как, впрочем, и другие группы слов).

К общеславянским словам, не имевшим изоглосс, примыкают и такие лексические единицы, которые распространены во всех трех славянских группировках, но не во всех языках и диалектах. Это слова с «белыми пятнами» на славянской языковой территории, т. е. имеющие своеобразные изоглоссы, которые можно назвать «прерывистыми». Ср., например, *чекати* «ждать, ожидать», известное не всем диалектам (в частности, в русском языке слово известно только на его юго-западной диалектной окраине; по-видимому, в древнерусской северо-восточной зоне оно отсутствовало как в этой форме, так и в более ранней без тематического *-а-*: *čękti). Между тем, слово это древнее — О. Н. Трубачев воз-

водит его к и.-е. **kek-* «гнутья, сгибаться, подстергать» [5]. Правда, в SP предполагается, что это слово «трудно оторвать» от *чаяти* «ждать, ожидать, надеяться» [6]. Если это так, что *чаяти* известно не всем западнославянским языкам и диалектам. По своей семантике слова действительно близки, однако семантическое сближение их (этимологически они разные) произошло в праславянскую эпоху. Примеров слов с древними «прерывистыми» изоглоссами можно было бы привести много (по моим подсчетам их в праславянском лексическом фонде было что-то около 28%). Вероятно, какая-то часть этих слов в праславянском была общеславянской (в более позднее время территория распространения их по разным причинам сузилась, на ней появились «белые пятна»), однако, не исключено, что какая-то часть их представляет собой архаические лингвогеографические реликты. Но и в том и другом случае отсутствие таких слов на части восточнославянской территории имело место в прарусское или раннедревнерусское время. Слово *чекати* с его производными было непонятым в диалектах, из которых впоследствии сложился русский язык (литературный и местные говоры).

О других типах лексических изоглосс мною уже писалось [1]. Подчеркну только, что исследование их в полном объеме, вероятно, никогда не будет закончено. Многие останутся дискуссионным из-за трудностей лингвогеографических реконструкций. Здесь же мне хотелось бы обратить внимание на диалектные слова, существовавшие в дописьменную эпоху, но так и не нашедшие своего отражения в письменных источниках вплоть до современных литературных языков. Причин тому много. Не всегда слово, имеющее даже жизненное значение, появляется в ранней письменности. Типичный пример тому — название березы (*Betula alba*). Дерево это, несомненно, играло важную роль в жизни праславян и позже у восточных славян (шло на топливо, кора его использовалась для разных изделий, сок был напитком и т. п.). Слово *береза* — одно из немногих ботанических названий, имевших общеиндоевропейское распространение в праиндоевропейском языке. Возникло оно тысячи лет тому назад, но в славянской письменности сначала появляются его производные *березозоль*, *бръзьнь* «апрель», собственные названия *Березьно* «поток близ Новгорода», *Березыи* — город в Черниговском княжестве (XII в.) и др., само же слово попадает в письменность только в XIV в. Слово *рокотати* в древнерусской письменности стоит в полном одиночестве — оно встречается единственный раз в «Слове о полку Игореве» (Сл. о п. Иг.) (живые струны «сами княземъ славу *рокоташу*») [7]. Обычные в русском литературном языке *рокот*, *рокотать*, в такой форме и значениях не встречающиеся вне вост.-слав. языков (укр. *rokit*, *рокотати*, белорусск. *ракатаць*, *рокат*), этимологически связаны с праслав. **rekti*, первоначально звукоподражательным словом. Происхождение **rok-otъ*, несомненно, древнее, но если бы Сл. о п. Иг. до нас не дошло, в письменности оно появилось бы только в XVIII в.

Огромное количество древних лексических диалектизмов и вовсе не попало в литературные языки. Ср. в реконструкциях О. Н. Трубачева: **aglъjъ*/**jaglъjъ* (русс. диал. *яглая земля* «тучная черная почва, чернозем»), **ajъььна* (укр. *яшья*, белорусск. *ячня*, а в русском только диал. *яшья*, *яшья* «яичница»; без суффикса *-ца* зафиксировано только у восточных славян), **astrъ* (укр. диал. *ястер* «ястреб»), **badyльe* (укр. *бадилля* «стебли, былинка, ботва», белорусск. *бадыльe* «сухие стебли от соломы», русск. диал. *бадыль* «сухой стебель», *будыльe*), **bazarъ* (русс. диал. *базарь*, *бахарь*, *бахорь*, *бахирь* и другие формы и производные слова «говорун, краснобай»), **bajunъ* (русс. диал. *баюн* и др. «говорун, рассказчик»), **barъ* (русс. диал. *бар* «болотистое место, глубокое место в море, где останавливается пароход», укр. диал. *бар* «мокрое место между холмами») и т. д. и т. п. К тому же надо учесть, что далеко не все еще собрано в словарях и словарных картотеках [см. особенно сводный «Словарь русских народных говоров» (СРНГ)]; многие слова подверглись деэтимологизации, причем особое внимание нужно обратить на приставочные слова, в которых скрываются исходные формы, без приставок не сохра-

нившиеся. Много материала такого рода содержится и в SP. Из сотен тысяч (так!) лексико-семантических диалектизмов, имеющих в современных говорах и не попавших в письменность, какая-то часть подобных слов (хотя приблизительный удельный вес ее в общем составе лексики надо было бы еще определить) возникла в древнее время (в прарусскую и древнерусскую эпоху). Конечно, изоглоссы узколокальных диалектизмов раннего происхождения изменялись и вряд ли удастся реконструировать их исходные ареалы (во всяком случае, для большинства локализмов), но для нас принципиально важно другое — установить раннее происхождение узколокальных диалектизмов. По своим значениям такие локализмы различны (они отнюдь не только обозначения чисто местных явлений природы и жизненного уклада; что местного заключено, скажем, в слове **basъkъjъ* — русск. диал. *баской* «красивый, хороший», укр. *баский* «резвый, ретивый, рьяный» — особенно о коне?). О. Н. Трубачев считает, что **basъkъjъ* имеет древнюю индоевропейскую этимологию [8]. Предстоит еще ответить на вопрос, почему многие лексические диалектизмы не попали в сферу письменности. Конечно, сыграла свою роль случайность, но вероятно также и то, что с самого начала развития письменной речи стали складываться свои нормы, пусть некодифицированные и неустойчивые. Что-то принималось, а что-то отбрасывалось. Если не прямое, то косвенное воздействие оказывал древнецерковнославянский язык русского извода.

Что же стало происходить в лексике, когда в Древней Руси столкнулись две родственные языковые стихии? Древнеболгарский дописьменный язык, как и древнерусский, тоже унаследовал от праславянского значительную часть общеславянских слов, но в нем образовались и свои специфические особенности (праславянские юго-восточные локализмы, новообразования и местные заимствования), он имел общеполгарский словарный состав, и, несомненно, большое количество диалектизмов. Было бы очень важно иметь словарь, в котором была бы представлена реконструкция древнеболгарского лексического фонда, а также словарь древнеболгарского языка времен письменности. Но уже и теперь можно сказать, что лексика старославянского языка в своей общеславянской части совпадала с лексикой древнерусского языка, а в своих специфических особенностях оба языка расходились. На древнеболгарском языке письменность возникла раньше, чем на древнерусском. В старославянском языке произошла серьезная перестройка, поставившая его над народным древнеболгарским языком: многие слои лексики получают новые семантические осмысления, связанные с христианской религией и средиземноморской цивилизацией, заметным потоком в него вливаются грецизмы. С конца X в. (после повеления Владимира I отдавать детей «нарочитой чадю» на «книжное учение») русские книжные люди воспринимали болгаро-греческое культурное наследие и начинают обогащать и видоизменять его применительно к историческим условиям Древней Руси, не отказываясь от своих исконных восточнославянских традиций, которые не противоречили духу времени. Так начинается история древнецерковнославянского языка русского извода, связанного прежде всего с обслуживанием нужд церкви. Получает мощный импульс собственно русская культура, возникает феодальное государство со своими общегосударственными и местными потребностями, что создало почву для формирования древнерусского (в основе своей народного) литературного языка. Так возникло оригинальное двуязычие (прежде всего в сфере письменности с использованием общего кирилловского алфавита), которое и определило историю речевой культуры на Руси на много веков вперед.

Какое проявление нашел этот весьма сложный процесс в лексике? У обоих языков оказался исконный для них общеславянский словарный фонд, частотность которого несомненно была высокой. К какому же языку относить эти общие слова? Все зависит от контекста в широком и узком смысле этого слова, от особенностей значений и употреблений. В памятниках религиозно-нравоучительной литературы такие слова входили в состав древнецерковнославянского языка русского извода, а в пись-

менности светской (светскость эта во время господства религиозной идеологии часто была относительной) в древнерусский литературный язык. Слово *ветъхий* в обоих языках означало «старый, прежний» и «ветхий, изношенный». Контексты употребления далеко не всегда одинаковы. Ср.: «пикто же пивъ *ветхое*, абие хочеть новаго» [9] (здесь значение «питье» употребляется не в прямом, а в религиозно-иносказательном смысле), *ветъхъ* — одно из названий бога-отца, древнего и безначального (Григорий Назиянзин, XI в.), *ветъхий* завѣтъ, законъ, *ветъхое* писание — дохристианская часть библии и т.п., «дѣлаша мост вьсь чересь волхово, по стороиѣ *ветхого*, новъ вьсь» (Новг. I лет., 1147 г.), «оже пошибаетъ мужескоу женоу любо дчерь, то князю м̄ гривень *ветхъми* кунами» (Новг. гр. 1199 г.) и многие другие примеры такого же рода. Или ср. семантически емкий глагол *вести, водити*: «иди, душу свою веди» (Кирилл Туровский, ~XII в.), «оустны безоумля *ведоуть* въ злая» (Изборник 1073 г.), «дохомъ божиемъ *водимы* суть» (там же) и «*водити* ротѣ» (приводить к клятве, заставлять поклоняться), «томъ же лѣтѣ *ведоша* Ляховицю Мюрому за Давыдовича Всеволода» (Ипатьевская лет., 1124 г. — отдали замуж), «*ведут* мя галичане на княжение» (там же, 1188 г. — зовут, приглашают быть князем), «*водити* жену» (привести жену, жениться). Можно сказать, вся общая лексика пронизана своеобразиями значений, употреблений, выступает в разных устойчивых словосочетаниях. Слова одни и те же, а функционирование их в контексте неодинаково. Сравнительный текстуральный анализ общих слов в древнецерковнославянском и древнерусском литературном языках может показать значительные своеобразие этих языков. Для сравнения особенно важно привлечь собственно старославянские тексты. Безусловно, обнаружится много тождественных словоупотреблений, но будут найдены и индикаторы, которые позволяют отличать язык древнерусских текстов от языка старославянских (древнецерковнославянских). В этом отношении вся работа еще впереди. На первых порах нужно сравнить хотя бы несколько старославянских произведений с разными текстами, написанными (не переписанными) в Древней Руси. Например, можно было бы сравнить часть Синайской псалтыри со «Словом о законе и благодати» митрополита Илариона (Сл. Илар.), отличию владетвего старославянским языком (что русского внес Иларион, чего он не принял), Супрасльскую рукопись с «Повестью временных лет» (Пов. вр. лет), Енинский апостол со «Словом о полку Игореве», а часть Зографского евангелия с «Русской Правдой» (Русск. Пр. ~ XII в.). Безусловно, во всех этих памятниках найдутся общие слова, но что они в них значат и как употребляются?

Обычно языковеды, сравнивая старославянскую и древнерусскую письменности, опирались на их графические, фонетические особенности, что конечно, необходимо. Много внимания уделялось исследованию фонетических явлений, которые на восточнославянской почве подвергались лексикализации и вступали между собой в сложные семантико-стилистические отношения (это прежде всего полногласие и неполногласие), несколько меньше — суффиксам со значениями отвлеченности и некоторым префиксальным отличиям, словосложению (оценка автором этих явлений дана в книге [2]) и еще меньше — калькированию. Все это также очень важно, но явно недостаточно. За исключением частных исследований, в стороне оставалась лексика в полном ее объеме, которая во всех языках составляет ядро информации (конечно, грамматически организованное). Уже из того, что еще в праславянском языке региональных слов (широкого и узкого распространения) было больше, чем общеславянских, следует, что должны быть значительные расхождения между старославянским и древнерусским языками в самом их словарном составе. После распада праславянского языка расхождения эти увеличились, поскольку процесс дифференциации в то время преобладал над взаимовлиянием и соответственно схождением.

Для того, чтобы доказать это положение, нам нужны основательные словари старославянского и древнерусского языков с постоянной ориентацией на ЭССЯ и SP. Работа над указанными словарями далека еще от

своего завершения. Основательный для своего времени словарь Миклошича [10] явно устарел и для целей сравнения лексики обоих языков мало пригоден, так как автор объединил в своем труде древнейшие ст.-слав. памятники с памятниками всех изводов позднейшими, включил в него и русские летописи, судебники (например, Судебник царя Иоанна Васильевича XVI в. по изданию А. Х. Востокова), и иные деловые документы, к ст.-слав. языку отношения не имеющие. Кроме того, ряд важных старославянских памятников во времена Миклошича ученым не был известен. Все же и теперь для тех, кто хорошо знает старую славянскую письменность и может не ошибиться, эта прославленная работа Миклошича небесполезна для разного рода справок и уточнений.

Вторая половина XIX в. и весь XX в. прошли под знаком усиленных разысканий палеославистов, достигших значительных успехов во многих отношениях, в том числе и лингвистических. Написано немало хороших грамматик старославянского языка, составлены словники к ряду произведений, сделано множество лексикологических наблюдений. Однако главный вопрос, какие памятники IX—X вв. входили в состав старославянского языка, каков был его реальный словарный состав, остается нерешенным. Можно согласиться со словами Р. М. Цейтлин: «Знаменательно, что все попытки реконструкции текстов первоначальных славянских книг обычно признаются в целом (не частностях!) неудачными, хотя принадлежат маститым ученым, общепризнанным знатокам древнеславянской письменности...» [11, с. 11]. Иначе говоря, остается неясным, где кончается собственно старославянский язык (язык Кирилла и Мефодия, их ближайших учеников и последователей), и где начинается язык его изводов, возникших в различных славянских странах и областях. Нам приходится довольствоваться тем, что сейчас есть. В нашем распоряжении имеются два словаря: Л. Садник и Р. Айцетмюллера [12] и незавершенный еще публикацией пражский словарь [13]. Первый краткий словарь, как видно из его заглавия, скорее предназначен для учебных целей, хотя полезен и для исследователей. Это словарь с краткими и далеко не полными определениями значений слов без иллюстраций, зато в одной книге помещен обратный словарь и краткий этимологический справочник. В выборе ст.-слав. памятников авторы ориентируются, как они сообщают, на установки пражского словаря (в то время еще не публиковавшегося) и на «Историю старославянского языка» Вай-Вейка (М., 1957). Ссылка на пражский словарь оказалась более чем неточной. В основу словаря положено 20 старославянских памятников, часто приводимых в пособиях по этому языку (включая и краткую надпись царя Самуила 993 г.), исключены Остромирово евангелие 1056—1057 гг. (Остр.) и другие произведения, переписанные в Древней Руси, что для нас очень важно при сопоставлении лексики др.-болг. и др.-русск. языков. Словник к указанным памятникам составлен тщательно, и ему вполне можно доверять. До лексем на *Кр-* (почему нами взята эта точка отсчета, об этом будет сказано ниже) словарь содержит около 2730 нарицательных слов.

Совсем иным является пражский словарь, составление которого началось в 1954 г. Во Введении к нему сказано, что это словарь «среднего объема» и включает в себя всю старославянскую письменность древнейшей эпохи (времен Кирилла и Мефодия и их учеников), причем и самых поздних списков, включая и так называемое чешскоцерковнославянские тексты и другие памятники, переписанные в разных славянских странах в XI—XVI вв. [например, Житие св. Венцеслава в списке XV—XVI вв., вторая легенда о Житии св. Венцеслава (Вацлава) в списках XVI в., Житие св. Людмилы в списках XIII—XIV вв. и т. д.]. Всего расписано в картотеке 83 памятника. Такое расширительное определение ст.-слав. языка вызывает много затруднений. Во-первых, мы не всегда уверены, что использованные памятники были действительно написаны в IX—XX вв. Во-вторых, словарный состав документов, дошедших до нас в поздних списках древнецерковнославянского языка разных изводов, конечно же, подвергался изменениям и содержит в себе поздние напластования

разного и еще не объясненного происхождения, что не может не вызывать трудностей при сравнении др.-болг. и др.-русск. языков. Мы, несомненно, можем ожидать, что, например, в Московском синодальном апостоле № 18 русской редакции XV в. встретятся слова не древнеболгарского, а русского происхождения. В-третьих, не всегда ясно, почему одни памятники берутся, а другие оставляются без внимания (например, взято Остромирово евангелие и нет Путятинной минеи XI в., переписанной на Руси едва ли не раньше названного евангелия; служебные минеи как литературный жанр, несомненно, уже существовали в старославянском языке раннего периода). Все это снижает уровень лексических расхождений между ст.-слав. и др.-русск. языками, который мы пытаемся определить. И все же мы не должны принижать огромную научную значимость капитального труда пражских палеославистов. Другого словаря, равного ему, пока нет, и неизвестно, когда он будет. Делая поправки по словарю Л. Садник и Р. Айцетмюллера и высказывая разного рода собственные соображения, мы его берем за основу наших сравнений. Всего в первых пятнадцати выпусках словаря (А — включая часть К) я насчитал около 3000 слов (собственные имена и производные от них, не имеющие особых значений, мною не учитывались). Словарные статьи имеют развернутые толкования и богато иллюстрируются цитатами. Другой словарь, который станет базой наших лексико-сравнительных изысканий, это «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (СлРЯ XI—XVII вв.) [14]. Поскольку речь идет о древнерусском языке раннего периода, для наших целей был бы более подходящим «Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.» под ред. Р. И. Аванесова, но публикация его задерживается, а с неопубликованными рукописями при наших попытках подготовить обобщающий очерк иметь дело затруднительно. К тому же различия в словнике указанных словарей, когда речь идет о ранней письменности, незначительны.

В основу СлРЯ XI—XVII вв. положена картотека из полутора миллионов карточек — цитат, извлеченных почти из более чем 1900 памятников древнерусской письменности самого разнообразного характера, включая и многие произведения церковной литературы, написанные и переписанные на Руси (впрочем, принцип отбора богослужебной литературы оказался очень неясным: например, служебные минеи конца XI в. оказались в составе источников, так же, как и некоторые евангелия — евангелие Фомы по сп. XIV в., евангелие от Марка в издании Г. А. Воскресенского, псалтырь с толкованиями Феодорита, сп. XV в., а других евангелий и псалтырей нет; впрочем, что сделано, то сделано). К XI—XIV вв. относится 120 пятников, из которых мы будем привлекать данные только XI—XIII вв. В первых семи выпусках (кончая словом *крагуяръ*) описано 25 397 лексем, подавляющая часть которых засвидетельствована в письменности XIV—XVII вв. По-видимому, в памятниках древнерусской письменности XI—XIII вв. по данным Картотеки ДРС, конечно, далекой от полноты, было около 3000 слов (до *Кр-*), что по объему в общем, соответствует словнику пражского словаря на те же буквы, и это позволяет нам делать нужные сопоставления. Конечно, цифры эти относительны, поскольку подлежат уточнению. Кроме того, нам неизвестен весь действительный словарный состав ст.-слав. и др.-русск. письменных языков, так как большинство письменных раннеславянских памятников до нас не дошло. Мы вынуждены исходить из того, что сохранилось.

Ст.-слав. язык, переписанный в Древнюю Русь, влил в др.-русск. литературный язык большое количество слов, относящихся к христианской религии, церковному быту, морали, философии, многим сторонам культуры, способствовал возникновению отвлеченных понятий. Большую часть этих слов составляла славянская лексика, переосмысленная в старославянском языке, значительную часть составляли грецизмы. Нам еще предстоит дать должную лингвистическую оценку этому богатству, в частности, установить основные тематические группы, лексико-семантические группы, новые для др.-русск. языка слова, всякого рода переосмысления уже имевшихся исконных слов, тенденции в развитии словопроизводства.

собственно русские новообразования, толчком для возникновения которых послужила старославянская лексико-семантическая система, проследить судьбу грецизмов и других заимствований и т. д. и т. п. Проблематика здесь неисчерпаема. Для примера возьмем древнепраславянское **bog*, в далекое дохристианское время связанное с представлениями о богатстве, счастливой доле и т. п. (семантическая история слова является очень сложной, что вызывает всякого рода этимологические затруднения), а также с языческими верованиями в мифические существа — божества. Наследием тех далеких времен являются слова *богатый*, *богач*; *богатство*, *убогий* (первоначально «бедный») и др., древнеславянские собственные имена *Богумил*, *Богухвал*, *Богуслав*, название языческого бога *Стрибог* и т. п. Понятие единого верховного божества еще не установилось, вернее, оно дробилось (боги были разные), а главное божество персонафицировалось в одном из богов (ср. Зевс у греков-язычников). С утверждением христианской религии у славян слово *богъ* переосмысливается: оно означает не множество всякого рода богов, а высшее триединое существо, которое управляет всем миром. Впервые слово *богъ* начинает входить во множество сложносоставных слов: *богородица* (= θεοτόκος), *богоотьць*, *богомати*, *богоблаженный* (= θεομαχρίστος) и т. п. В словаре Л. Садник и Р. Айцетмюллера отмечено 45 слов с *бого-*, в пражском словаре — 74, у Срезневского — 125, а в СлРЯ XI—XVII вв. — 88 (меньшее количество слов с *бого-* в СлРЯ XI—XVII вв. — результат первичных неправильных установок подготовить «научно-популярный», а не академический словарь, каким он на самом деле и является). Эти сложносоставные слова легко создавались по мере надобности, могли быть широко распространенными, а могли быть и редкими и даже единичными. Такие слова, как *богоборие* (Супр.), *боговесельнь(ый)* (там же) и др., вовсе отсутствуют в древнерусской письменности (по данным Срезневского и СлРЯ XI—XVII вв.; кстати, в последнем пропущено 37 слов, имеющих у Срезневского!). И наоборот, в ст.-слав. памятниках нет таких слов, которые имеются в др.-русск. памятниках XI—XIII вв.: *богобойный* *богобоязненный* (Кир. Тур. ~ XII в., Ипат. лет., 1187 г.), *богобоищивый*, «то же» (Хроника Георгия Амартола ~ XI в.), *богоглагольникъ*, *богоглагольный* (там же) и др. Часть таких расхождений, вероятно, случайна, а часть отличала ст.-слав. и др.-русск. языки. И это в такой подвижной в своих границах лексике!

Коль скоро мы перешли к этому вопросу, приведем здесь ряд ст.-слав. примеров, не засвидетельствованных в др.-русск. памятниках или же ограниченных в своем употреблении исключительно в богослужебной литературе, т. е. таких слов, которые были чуждыми др.-русск. языку и остались таковыми: *абие*, *абье* «тотчас» [по Трубачеву, «исключительно ст.-слав. (др.-болг.) слово», в этимологическом отношении неясное; употребляется только в древнерусских евангельских и иных церковных текстах]; *аблянь* «яблоня» (Песнь песней) («главным образом южнославянская форма» к **abolъ*, также диал. н.-луж. *jaboln*); *адовьскъ(ыи)*, *адовское жилиште* (Супр.), *агндие*, собир. «черные тополи», *Populi nigre* [Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского (Шестоднев Ио. экз.)] (Трубачев — «собственно вост.-слав. соответствия нам неизвестны»); *агньць* «ягтенок» (Трубачев — «распространенное в основном в ю.-слав. языках именное производное с суфф. уменьшительности -ьсь... Праслав. словообразовательная инновация»). В русский язык попало из церковнославянского источника с ярко выраженным архаическим, а через него и ироническим употреблением); *акридъ*, *акридь* «саранча» (Зогр., Остр. евангелия и др.; только в церковных текстах; попало в русский литературный язык в позднее время как редкий архаизм; из греч. ἀκρίς, -ίδος); *акрогоничьнь(ый)* «краеугольный (камень)» (греч. ἀκρογωνιαίος); *акрогонией*, *акрогонии* «то же»; *акротомъ* «скала, утес» (в др.-русск. только в церковных текстах, а также у Георгия Амартола, что отмечено Срезневским; но нет в СлРЯ XI—XVII вв.); *алгуи*, *алоинъ* «алоз» (есть и в Остр., греч. ἀλόη); *анагно-стство* «степень, чин, служба анагноста (-чтеца)» (греч. ἀναγνώστης) и другие производные от *анагность*; *ангелозрачьнь* «ангельский»; *апостольствовати* (Синайский евхологий); *арма* «колесница» (греч. ἄρμα); *ару*, *яру*

«если бы» (Супр., Златоструй ~ XII в.; этимологически темное слово); *асикритъ, асинкритъ* «секретарь»; *астирь* «звезда» (греч. ἀστήρ); *ашоуть, ашють* «напрасно, даром, тщетно» (если верно замечает Трубачев, что это почти исключительно древний чешский диалектизм, то в ст.-слав. язык слово это вошло в Моравии); *балии* «колдун, знахарь, врач» и производные от него (Зогр., Остр. и другие ст.-слав. памятники, на Руси исключительно в книжной сфере; образовано от праслав. *bal- или *badl- «говорить, заговаривать»); *бедрънъ(ыи)* «щедрый, богатый» (Син. евх.; кажется, восходит к правндоевроп. *bhed-r-, т. е. является древним образованием); *безаконение, безаконьные, беззаконие* (Супр.); *безбоязние* (Супр.), *бездарствънъ(ыи)* «неблагодарный» (Супр.); *безоковати* «быть бесстыдным» (Супр.) и другие чисто церковные (*безочъствие* «бесчестие», *безочъство, безоцъствовати*); *безрати* «мирный»; *берьшь* «стих»; *беспасага* «незамужняя» (девица); *васнь* «может быть, вероятно» (Супр.); *вравия* «награда, приз»; *възмазь, възмазьство* «осквернение, распутство» (Фрейзингенские листки); *възывало* «название, наименование»; *въныснути* «подняться (о тесте, квасе)» (есть и в Остр.); *въловънъ(ыи)* «спокойный, медленный» (Супр.); *вънадрити* «увидеть, узреть» (Слепченский апостол и др.); *въмърити* «увизити» (Синайская псалтырь); *въскрай* «близ, возле, около» (в др.-русск. письменности встречается только в некоторых церковных памятниках); *въскраини* «ближний, близкий»; *въяхати* «поплыть» (Мариинское и Ассеманиево ев.); *взятти* «крыться (в чем-либо), находиться» («Похвальное слово Клементия» болг. и серб. редакций); *газа* «сокровище» (только однажды встретилось в русском апостоле XVI в; греч. γὰζα); *гоить* «колдун, обманщик» (др.-болг. рукописи); *гонажати* «освобождать, избавлять» (Супр.; изредка встречается в др.-русск. церковных произведениях); *гребище* «могила» (только в Зогр.); *гръмъ* «кустарник»; *дивия* «безрасудство» (Супр.); *дика* «украшение; слава, честь»; *доводитель* «вождь, проводник» (Син. евх.); *дож(е)да* «пока не» (Фрейз. лл.); *дожи и до* «до самого»; *држъ* «дубина, палка» (Син. евх.); *дымъ* «чума, моровая язва» (Беседы Григория Великого); *ече* «если» (Фрейз. лл.); *жерав(ъи)* «раскаленный»; *жище* «жилище» (Супр.); *жладьба* «ущерб, убыток» (там же); *жласти и жьсти* «возмещать ущерб, убыток, долг» (там же); *закленути* (из *zaklepnŭti), *заклопяти* «запереть»; *зановъяти* «гнать» (Слепч. ап.); *застѣнакъ* «лукавый человек» (Мар.); *заскопие* «коварство» (Супр.); *иго оубо* «потому, итак» (Беседы Гр. Вел.); *испърние* «оправдание, извинение» (там же); *испърти* «оправдать, извинить» (там же); *калежь* «чаша»; *клячати* «становиться на колени» (Супр.); *корабъчий* «корабельщик» (там же) и т.п. и т.п.

Выше мы привели только некоторые примеры лексических особенностей ст.-слав. языка, вовсе не свойственных др.-русск. языку в его письменной и устной разновидностях. Мы сознательно включаем сюда и чисто книжные слова, поскольку расхождения между старославянским и древнерусским языком были и в книжной лексике. Отчасти это гречизмы, но в основном исконно славянские диалектные слова (ср., например, *абие*) и новообразования, возникшие в старославянском языке. Тематически и семантически эти особенности разнообразны. Это не только и не столько обозначения явлений южнославянской и средиземноморской природы и быта, которые не были известны восточным славянам, сколько, главным образом, наименования понятий, имевших свои эквиваленты в языке восточных славян. Ср.: *агньць, акридь* (*акридь, акрида*) — в др.-русск. языке *прузи, ашоуть* = *напрасно, васнь, ече* и др. Такие слова не связаны с какой-либо территорией (в нашем случае южнославянской или восточнославянской). Это — языковые отличия, корневые и производные. Сравнительные словари, я их насчитал на буквы А — Кр — свыше 400 слов, т.е. около 13% зафиксированной в пражском словаре лексики. Конечно, эти подсчеты подлежат уточнению.

Гораздо больше слов, общих старославянскому и церковнославянскому языку древнерусского извода, откуда они только частично проникли в собственно древнерусский язык. В точности подсчитать их очень трудно. Мы не знаем, сколько слов было во всех памятниках старославянского языка, так как очень многие из них не сохранились даже в поздних

списках. Часто невозможно сказать, было ли слово в старославянском языке или же оно возникло в церковнославянском языке Древней Руси. Ср. *бааникъ* «волшебник, колдун» в Хр. Амарт. ~XI в. (его нет в ст.-слав. памятниках, но совершенно очевидно, что образовано оно от *баати*; *баяньникъ* в собственно древнерусской письменности не встретилось) и *балишкйи* «колдовской» у новгородского попа Упыря (1047 г.) — от *балши*; *безбоязние* (Супр.) и *безбоязнство* в Ефремовской кормчей ~ XII в.; *безбрачньи* (Ефр. корм.) и *безбрачствие* (Хр. Амарт.); *бездарствьнь(ыи)* «неблагодарный» и *бездарньи* в одном из поучений русского списка XV в.; *безмърнь(ыи)* (Супр.) и *безмърствие* (Александрия ~ XII в.); *безнадеждьнь(ыи)* (Супр.) и *безнадежьникъ* (Сл. Илар.) и т. д. и т. п. Таких примеров очень много. Мы не знаем, возникли ли такие однокоренные слова в ст.-слав. языке или позже под пером древнерусских книжников, но ясно, что они не могли образоваться в живом языке восточных славян. Для реконструкции старославянского лексического фонда памятники церковнославянского языка древнерусского извода являются ценнейшим источником, так как русская церковнославянская литература богаче всех других инославянских литератур этого рода, вместе взятых. Очень актуален вопрос о составлении особого словаря церковнославянского языка восточнославянского извода (русского и украинско-белорусского изводов для более позднего времени). Такой словарь был бы незаменимым пособием для исследования языковой ситуации в Древней Руси, затем в XV—XVII ст. При его помощи многое можно было бы распутать в противоречивом клубке в языке обширнейшей восточнославянской письменности.

Сколько же церковнославянских слов не совсем или вовсе не было понято неграмотному или малограмотному древнерусскому населению? Вероятно, я не очень ошибусь, если скажу, что такие слова составляли уже с самого начала распространения письменности добрую половину лексики старославянского — церковнославянского языка. Вопрос этот имеет принципиальное значение для выяснения двуязычия в Древней Руси. Язык богослужения для восточных славян был и понятен (не то что латынь для германцев) и в то же время во многом непонятен, и не только из-за сложной специфики системы религиозных понятий (как в наше время малопонятен для непосвященных язык какой-либо специальности), но и потому, что он был хотя близкородственный, но чужой как по своему происхождению, так и в функционировании. Его отстраненность от живого древнерусского языка усиливалась наличием в нем заметного пласта грецизмов. По подсчетам Р. М. Цейтлин, на 9616 слов семнадцати обследованных ею древнеболгарских памятников приходится 1778 слов, заимствованных из греческого, что составляет около 18,5% всего словарного состава [11, с. 27]. Правда, не все грецизмы старославянского языка перешли в церковнославянский язык древнерусского извода (примеры см. в приведенном выше списке слов). Однако переводы греческого продолжались и в Древней Руси, начиная с XI в., т. е. накапливались новые грецизмы. См., например, значительное количество их в списке слов, приложенном к изданию «Хроники Георгия Амартола», опубликованном В. М. Истриным [15]. Лишь немногие из греческих заимствований попадали в собственно древнерусский литературный язык, основная масса их не выходила за сферу высокой книжности (ср. *кимваль* = *κίμβαλος*; *лагиде* ся же ся речеть заяци = *λαγίδα* и т. п.). О грецизмах в древнерусской письменности писалось много, но немало остается и невыясненного. Нужно установить подвижность их состава, сферы применения, что нового появилось на Руси, каково было их проникновение в общий язык, воздействие на семантику славянских слов, также калькирование и т. п., т. е. попытаться дать общее представление их истории в языковой культуре Древней Руси. Но уже и теперь представляется очевидным, что роль их была иной, чем в более позднее время, когда происходит вычленение наук и их языков, в которых грецизмы (наряду с латинизмами) представлены очень широко.

Особым предметом исследования является отражение в древнерус-

ской письменности понятий христианской религии. Какая-то часть (копечно, меньшая) слов этой обширной тематической группы вместе с укреплением позиций христианства получает широкое распространение среди всех слоев населения: *църкы* (*църковь*), *монастырь*, *попъ*, *игуменъ*, *михъ* (*монахъ*), *цъловати кръсть* «давать клятву», *сборъ* (*соборъ*), *кръщение*, *обднѣя*, *заутреня*, *постъ* и т. п. Что вошло в повседневный обиход неграмотных слоев населения, с точностью установить не удастся. Сведения же о степени употребления терминов христианской религии получить можно из разного рода деловых документов, летописей и иных памятников собственно древнерусского литературного языка, а также из всякого рода малограмотных надписей и писем ((например, берестяных); ср., например, в Грамоте в.к. Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю ~1130 г. (явно русской по своему языку)): *святому Георгиеви* (название новгородского монастыря), *богъ и святая богородица*, и ты, *игоумене* и *вы братиѣ* (монахи), *молите бога за мя*, *въ монастыри* (есть еще повторения этих слов и словосочетаний). Но тут мы имеем дело с княжеской грамотой и с грамотным писцом (вероятно, духовным лицом). В новгородских берестяных грамотах, написанных простыми людьми, христианские термины и выражения встречаются гораздо реже и в иных контекстах. В грамотах и надписях №№ 1—27 не встретилось ни одного примера религиозного содержания и только в грамоте № 28 находим: «*во имя отца и сына и святого д(уза)*». Это завещание новгородки Фетинии на случай ее смерти. То же выражение встречается в грамоте № 42 в завещании некоего Бъбжи. Далее идет опять большой перерыв — только в грамоте № 87 пишется: «от Дрочкѣ от *папа* (=попа) пѣкланяние ко Демеяну и къ Мине и къ Вануоуко». Все найденные грамоты, письма и надписи на бересте (число их подходит к 600) исключительно бедны христианской терминологией. Это, конечно, не означает, что новгородское население было безбожным — тематика писем не наталкивала на христианские размышления. Все обычно посещали церковные службы, исполняли нужные тогда обряды, что-то активно усваивали из религиозной терминологии, но основная ее масса, переполненная грецизмами и старославянизмами, оставалась в распоряжении только грамотного духовенства и высокообразованных начетчиков, не выходила за пределы церковной письменности (и, соответственно, устной речи названной прослойки населения), т.е. оставалась в пределах церковнославянского языка древнерусского извода.

Приведу некоторые примеры: *агисма* «святая вода» (греч. ἀγίασμα), *адаръ* «название одного из иудейских месяцев» (Изб. 1073 г.; греч. ἀδάρ), *адонаи* «господь» (там же; греч. ἀδωνάϊ), *азма азматыская* «Песнь песней» (Шестоднев. Ио. экз.; греч. ἄσμα ἀδμῆτων; у него же *паримия* Соломона, *еклисиастъ* и пр.), *алъkanie* «пост» (в Древней Руси только в церковной письменности), *алъкати* «поститься» («то же»), *аналава*, *аналавъ* «четвероугольный плат с изображением знаков страдания Христа, который монахи носили на груди или плечах под одеждой», он же *парамандъ* (греч. ἀνάλαφος, Кир. Тур. и др.), *багряница* «багряница, порфира» (только в церковных текстах, начиная с XI в.), *благословестити* «благословить» и многие другие образования с благо- религиозного значения (исключение: *благословити*, получившее широкое распространение), *богатодательное съмърение* (Житие Феодосия), многие сложные слова с бого-, *бытшиская заповѣдь*, *бытшиские книги* «относящиеся к ветхозаветной книге Бытия» (Ефр. корм. и др.), *недѣля ваи* «вербное воскресение перед страстной неделей», греч. βῆλον), *власфимисати*, *власфимляти* «хулить, говорить антибожественное» (греч. βλασφημεῖν), *власфимля* «хула, безбожие» (греч. βλασφημία, Остр. и др.) и т. д. и т. п. Таких слов в церковнославянском языке древнерусского извода наберется многие сотни, если не тысячи. Во всей своей совокупности они были малопонятны или вовсе непонятны не только широким слоям населения, но и малопросвещенному духовенству. Это была специальная терминология, представляющая собой священный жаргон, но этот жаргон являлся неотъемлемой частью церковнославянского языка, он усиливал двуязычие в сфере письменной речи.

Еще предстоит раскрыть удельный вес и историю христианской терминологии у восточных (и не только у них) славян.

С христианским мировоззрением связаны начатки научных (филологических, исторических, естественных) знаний, которые смешивались с религиозными представлениями, нормы морали и поведения. Конечно, с этими лексико-тематическими группами дело обстоит сложнее, чем с богослужебным жаргоном, так как в них наряду с господством церковнославянизмов, несомненно, имелись и исконные восточнославянизмы, в которых сохранялись традиции дохристианской Руси.

Наряду с общим очерком лексики древнеболгарского происхождения в церковнославянском языке древнерусского извода, включая описания ее тематических групп, важно также исследование неболгарских элементов, проникших в старославянский язык раннего кирилло-мефодиевского времени. Правда, написано по этой проблеме очень много, но итогов, которые были бы приняты всеми палеославистами, пока еще мало. Однако ясно, что кирилло-мефодиевский вопрос, включая в него интересующую нас лингвистическую сторону, не исчерпан и должен продолжаться разрабатываться (см. краткий обзор мнений и литературы в [16]). Важны и иные проблемы: изучение лексико-семантических особенностей различных жанров церковной литературы (евангелий, псалтырей, миней, триодей и т.п.), отдельных произведений (из них особенно надо выделить Жития Кирилла и Мефодия, «Сказание о письменех» черноризца Храбра и иные памятники, важные в историко-культурном отношении), различного рода групп слов и единичных слов, специфических для старославянского и церковнославянского языка древнерусской редакции. Очень интересны лексические разночтения и варианты словесных обозначений одних и тех же понятий. Много таких разночтений и вариантов обнаружено Л. П. Жуковской и ее помощниками в очень важном Мстиславовом евангелии начала XII в., подготовленном к печати, но до сих пор не опубликованном. С одной стороны, эти варианты отражают лексические особенности более древних евангельских источников, а с другой стороны, они свидетельствуют о высокой степени владения церковнославянским языком древнерусского книжного духовенства. Весьма вероятно также отражение в них и восточнославянской языковой стихии. Чтобы составить себе общее представление о литературном двуязычии в Древней Руси и о сложном взаимоотношении близкородственных литературных языков, надо, конечно, продолжить работы и по традиционной проблематике: образованию новых сложносоставных слов, слов с суффиксами отвлеченного значения, функционированию полногласия и неполногласия и др.

Выше мы говорили о лексических явлениях, свойственных только старославянскому языку и языку церковнославянскому древнерусского извода и в основном чуждых исконному восточнославянскому словарному составу. Но это только одна сторона проблемы. Другая не менее (если не более) важная сторона — выявление слов и их значений, которые имелись в древнерусском языке и отсутствовали в старославянском (церковнославянском). Наличие и отсутствие чего-либо в двух сравниваемых языках — две стороны одного и того же факта — различия между языками.

Вопрос о лексических восточнославянизмах возник прежде всего для определения, переведено ли (или переписано) то или иное проповедание на Руси или же в Болгарии или Сербии, т. е. в данном случае ставились историко-текстологические, а не языковедческие задачи. Нередко в таких случаях между учеными возникали острые разногласия, поскольку фактическая опора оказывалась зыбкой (ср., например, нападки на утверждение В. М. Истрина, согласно которому Хроника Георгия Амартола была переведена в Древней Руси, а не в других славянских странах). Из опытов этого рода выдающееся место занимают труды А. И. Соболевского [17—19]. А. И. Соболевского без преувеличения можно назвать лучшим знатоком славянорусской письменности, всю жизнь систематически работавшим над рукописями. Отличное знание древней литературы позволило ему «отсеять плевела от зерен» в словарях Миклошича и Востокова, умело использовать славянские этимологические словари и иные этимологи-

чески исследования. И результат, в общем, получился отличный. Сравнение его наблюдений с пражским словарем старославянского языка и современными этимологическими трудами показало, что ошибок в установлении лексико-семантических особенностей, присущих древнерусскому, и не старославянскому (церковнославянскому) языку, было сделано немного. Сам А. И. Соболевский не придавал собранным им материалам должного значения. Следуя в общем русле представлений своего времени, он пишет, что язык древнерусской письменности был несколько обрусевшим древнеболгарским (церковнославянским) языком, язык южнославянских и древнерусских переводов был одним и тем же, только лишь с некоторыми древнерусскими вкраплениями, которые и позволяют считать, что тот или иной памятник переводился с греческого на Русь, а не у южных славян [18, с. 162—165]. А. И. Соболевский обследовал 25 переводных памятников домонгольского времени (Житие Андрея Юродивого по списку XIV—XV вв. и русским спискам Пролога XIII—XIV вв., Пандекты Никона Черногорца по спискам XII—XIII вв. и др.). И что же получилось? Только в упомянутых памятниках, по моим подсчетам, оказалось 246 русских лексических вкраплений, не свойственных старославянскому (церковнославянскому) языку, а если к этому прибавить другие наблюдения А. И. Соболевского, то их получится свыше 300. Но это еще не все. А. И. Соболевский в своих списках русизмов пользуется пометами «и др.», «и т. д.», «и т. п.», т. е. считает эти списки открытыми, неполными. И это в церковной переводной литературе! Как увидим ниже, количество русизмов было гораздо большим. По А. И. Соболевскому, словарные русизмы состояли из трех групп: 1) слова исконнославянские, в древнерусском языке получившие особые значения или вовсе отсутствовавшие в старославянской письменности, 2) слова, заимствованные только в древнерусском языке и 3) названия городов, народов и т. п., хорошо известные в Древней Руси и мало или вовсе не известные южным славянам (последняя группа слов нами совсем не учитывается, поскольку она мало характерна для языковых различий — многие местные названия остаются неизвестными и для посетителей данного языка, отдаленных от их местожительства, хотя и находящихся на территории распространения этого языка; вряд ли, например, все восточные славяне подозревали о существовании р. *Ръсь* южнее Киева или об оз. *Нево*; эта лексическая группа не входит в словарные списки А. И. Соболевского).

Говоря о восточнославянизмах древнерусской письменности XI—XIII вв., мы выделим сначала слова, которых нет в старославянском языке, но которые имеются в южнославянских языках, в том числе и в болгарском. В большинстве своем это слова, которые случайно (или по причинам стилистическим) не вошли в словарный состав старославянского языка, а может, были в нем в не дошедших до нас рукописях. Приведем здесь некоторые типичные примеры. *Барань* (*борань*) «самец овцы» с праславянскими производными (по О. Н. Трубачеву) *баранина* (*боранина*), ст.-укр. *бараница* «выделенная овечья шкура», **baranovъ* (*ъ*) — н.-луж. *baranowu* «бараний», *бараний* и др. широко распространены почти во всех славянских языках. Нет его вовсе в словенском языке. Под вопросом стоит болгарский язык, в котором слово представлено как редкий диалектизм: *бъранкъ* «овца; легкомысленный человек», *баранки* «овцы» (О. Н. Трубачев). Может быть, этот диалектизм свидетельствует о широком употреблении слова в древнеболгарском народном языке, а, может быть, это позднее заимствование из других славянских языков. Поскольку первое предположение решительно исключить нельзя, мы включаем объективности ради эту лексему в данную группу слов. В ст.-слав. письменности *барань* и производные не обнаружены. В ранних др.-русск. памятниках *барань* известно только в деловой письменности (Русск. Пр. и др.), в летописных записях и некоторых других оригинальных произведениях. В церковнославянской литературе, как и в старославянской, обычно *овьнъ* в том же значении, имеющееся также и в оригинальных древнерусских памятниках (например, в Русск. Пр.). Искон-

ное праслав. **ovъnъ* столкнулось с праславянским заимствованием **baranъ*. Между этими словами началась длительная конкуренция. В ст.-слав. (церк.-слав.) языке репительную победу одержало *овънъ*, а у восточных славян — *баранъ*. От последнего образовалось много производных, а также переносных значений (только в СРНГ отмечено 6 омонимических образований и 33 их значения, не считая большого количества производных), а *овънъ* стало архаизмом и названием одного из 12 созвездий Зодиака. Скорее всего слово *баранъ* мы должны считать особенностью собственно древнерусской лексики, а *овънъ* преимущественно старославянизмом.

Батя «отец» (Ипат. лет., 1161 г.), в более позднее время производные *батяка*, *батьюшка* и др. Слово по своему происхождению является древним праславянским и широко известно в славянских языках в разных формах и генетически взаимосвязанных значениях, в том числе и в болгарском языке (*бате* «старший брат», диал. *бать* «отец; кум; старший брат» и др.). Почему это слово отсутствует в старославянской и церковнославянской письменности, неизвестно. Не исключено, что оно имело простонародный стилистический оттенок, не подходящий для церковной книжности.

Бобръ и *бобръ*. Эти слова со своими производными нередки в др.-русск. оригинальных произведениях (деловой литературе, летописных записях и др.), но отсутствуют в старославянском и церковнославянском языке древнерусского извода, хотя по своему происхождению и распространению являются древними праславянскими и общеславянскими. Ср. болг. *бѣбер* «бобр», сербск.-ц.-слав. *бѣбръ*, словенск. *béber*, польск. *bóbr* и т. д. По-видимому, ограниченность тематики религиозных текстов была причиной того, что слово не попало в словарный состав ст.-слав. языка. В хозяйственном отношении бобровые шкуры, несомненно, имели ценность в жизни древних славян.

Блъха «блоха» (в русском переводе «Александрии» ~ XII в. и в более поздних памятниках). Слово праславянское и общеславянское (ср. болг. *блъха*, серб.-хорв. *буха* и пр.), исторические его истоки восходят к праиндоевропейской эпохе, но в ст.-слав. языке, по данным словарей, его не оказалось. То же самое случилось со словами *бокъ*, *бълванъ*, *бобъ*, *боръ* («сосновый лес, сосна» и др. значения), *бродъ*, *бродити(ся)*, *брюхо* (правда, болг. *брюк*, *брюка*, *брука* «нарыв, прыщ» не поддается убедительному соотносению с *брюхо* из-за наличия в нем *к* вместо *х*, да и семантически оно значительно расходится с *брюхо*, поэтому не исключено, что слова *брюхо* в ст.-слав. языке не было потому, что оно отсутствовало в древнеболгарской речи), *будити* (в ст.-слав. имеются производные *възбодити*, *оубодити*), *быкъ*, *вити*, *въшь* «вошь», *гълка* «шум», *гълчати* «сильно кричать, воить», *гороховый* (слово общеславянское, но в ст.-слав. языке нет ни *граховици*, ни *грахъ!*), *дълбити*, *дума*, *думати*, *жеравъ* «журавль», *жеравице* «мясо журавля», *зобати* «есть, кормиться», *ивие* «ивы» (у Даниила Заточника, исходное *ива* только в поздних памятниках) и др. Таких слов на буквы А — К я насчитал что-то около 100, а всего их было вероятно, не более 300. По своим значениям они относятся к разным сферам понятий, к разным частям речи. При установлении лексических различий между древнеболгарским (старославянским) и древнерусским языками они не должны идти в счет, за исключением разве что отдельных спорных примеров вроде *баранъ* и *брюхо*, хотя, конечно, мы должны иметь в виду, что за тысячелетие существования славянской письменности на славянской территории происходили всякого рода передвижения изоглосс. Стало быть, в принципе и тут остаются еще нерешенные проблемы. Но поскольку слов этой группы немного, не они решают поставленную нами задачу. А задача решается тем, каков был удельный вес специфически восточнославянской лексики, отсутствовавшей в древнеболгарском (старославянском) языке.

(Окончание следует)

1. *Филин Ф. П.* Проблемы исторической лексикологии русского языка (Древний период). — ВЯ, 1981, № 5.
2. *Филин Ф. П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
3. *Черныш П. Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956.
4. *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik. Bd. III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975.
5. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 4. М., 1977, с. 36.
6. *Słownik prasłowiański.* Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1976, t. 2, s. 109.
7. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. Виноградова В. Л. Вып. 5. Л., 1978, с. 52—53.
8. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1. М., 1974, с. 162—163.
9. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958, т. I, с. 250.
10. *Miklosich Fr.* Lexicon palaeslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.
11. *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. М., 1977.
12. *Sadnik L. und Aitzetmüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
13. *Slovník jazyka staroslověnského.* Вып. 1, Praha, 1958 и сл.
14. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975, вып. 1; М., 1980, вып. 7.
15. *Истрин В. М.* Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920, т. I; Пг., 1922, т. II; Л., 1930, т. III.
16. *Можаява И. Е.* Cyrillo-Methodiana на современном этапе. — Советское славяноведение, 1981, № 3, с. 80—85.
17. *Соболевский А. И.* Лингвистические и археологические наблюдения. Варшава, 1910.
18. *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.
19. *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Изд. подг. Алексеев А. А. Л., 1980, с. 134—147.